

ВВЕДЕНИЕ В НОЭТИЧЕСКУЮ ПСИХОЛОГИЮ СОЗНАНИЯ

©2012 Р.И. Деревянко, Н.Б. Шкопоров

Тольяттинский государственный университет

Статья поступила в редакцию 18.10.2012

В данной работе мы пытаемся развить положения Л.С. Выготского и В.П. Зинченко по вопросу «Что такое сознание и что такое жизнь?» и сделать определённый вывод на основе этого анализа.

Ключевые слова: ноэтика, сознание, целое, жизнь, духовное.

Цель данной работы заключается в том, чтобы прояснить ход мысли, который приводит к достаточно внятному ответу на вопрос: «Что такое сознание и что такое жизнь?». Прояснение такого рода было сделано ещё Л.С. Выготским: «Связь деятельности – это центральный пункт в изучении всякой системы»¹. и затем он развивает это положение: «Проблема связи должна быть с самого начала противопоставлена атомистической проблеме. Сознание изначально есть нечто целое – это мы постулируем. Сознание определяет судьбу системы, как организм функции»². По этому поводу В.П. Зинченко замечает, что «Выготский не только настаивает на том, что сознание – это связь деятельности, но и преобразует этот постулат в проблему». В данной работе мы пытаемся развить эти положения Выготского и Зинченко и сделать из проведённого прояснения определённый вывод, который должен состоять также и в том, как именно мы достигли такого прояснения.

Важный момент нашего исследования начнём с двух положений Выготского: что сознание суть целое и что его положение целого суть постулат. Это означает по нашему мнению прежде всего одно – то именно, что сознание как целое не может быть исследовано эмпирически. В самом деле, это связь между деятельностями, но это не такая связь, которую можно непосредственно наблюдать извне. О сознании *другого* скорее можно *судить*. Именно поэтому Выготский и говорит, что постулирует сознание как целое, но вовсе не идет в своем высказывании

от него как от известного эмпирического факта. «Нельзя ли сказать так: и понятие и факт участвуют в образовании объекта... науки, – говорит он, – но в одном случае – в случае эмпирической науки – мы пользуемся понятиями, чтобы познать факты, а во втором – в общей науке – мы пользуемся фактами, чтобы познать сущность понятия»³.

В то же время, бесспорно, что для меня как для субъекта мое сознание суть эмпирический факт. Но с исследованием сознания другого происходит совсем не то же самое. *Это сознание* не может быть *Целым* в силу своей данности субъекту, *как именно мое сознание*, но оно должно быть *постулировано*. Иначе говоря, следуя мысли Зинченко, я должен настаивать, что оно есть. И «Л.С. Выготский описывая развитие действительного поля психологической реальности (и тем самым развивая этот постулат – Н.Ш., С.К.), констатировал, что величайшее своеобразие детского развития... состоит в том, что в момент, когда складывается начальная форма, уже имеет место высшая, идеальная⁴, появляющаяся в конце развития»⁵.

Об этом очень интересно говорит А.И. Венденский, подчеркивая, что *сознание другого* можно как утверждать, так и отрицать, поскольку, если согласиться с мыслью Авенариуса, оно, это *другое* сознание, выходит за рамки нашего эмпирического опыта. И как бы образу-

³ Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. – Т. 1. – М.: 1982. – С. 315.

⁴ Знаково-символическая опосредованность существования и развития сознания выражается в том, что сознание – и главная его структура, Я – воспринимает мир через категорию *высшего*, которая заложена в самой *идеальной форме культуры*. Это не означает, что сознание не может стремиться к низшему, другое дело, что *высшее* составляет главный его ориентир, как бы мы ни определяли его – Super-Ego, Сверхсознание, или Высшее целое.

⁵ Зинченко В.П. Аффект и интеллект в образовании. – М.: 1995. – С. 281.

⁰ Деревянко Раиса Ивановна, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии. E-mail – grigoreva.sofya@mail.ru

Шкопоров Николай Борисович, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии. E-mail – grigoreva.sofya@mail.ru

¹ Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. – Т.4. – М.: 1984. – С.157.

² Там же. – С.158.

ется «зазор» между постулируемой *идеей сознания* и эмпирическим его исследованием как той психологической переменной, о которой говорил Зинченко.

По словам Г.Ханта, «ощущаемый смысл приходит к нам с определенным качеством «осязания»... – возможно даже с синестетическими, межмодальными чертами. Они соответствуют абстрактному и («чувственному синтезу, который обычно скрывает его более конкретное и четко формулируемое завершение... Для разворачивания составных частей таких смыслов требуется... время, что заставляло целые поколения когнитивных психологов делать вывод о неспособности сознания сказать нам что-либо о процессах, из которых оно состоит, хотя на самом деле оно прямо демонстрирует свою способность непосредственно ощущаемому синтезу»⁶.

Поэтому вполне естественно – т.к. природа не терпит пустоты – «заполнить» этот *зазор*. Но чем? А тем именно, как мы полагаем, что представляет собой содержание *poiesis*, т.е. исследовать сознание не как «сумму» деятельностей, но как целое, которое имеет свое собственное качественное своеобразие. Но возникает тогда вопрос, почему *этот шаг* не был сделан уже давно? В действительности, однако, этот шаг был сделан в своё время Выготским, который осмысливал функционирование «душевного организма, обладающего деятельностями»⁷.

Возникает вопрос, что же такое этот душевный организм? Из ранее сказанного становится ясно, что это и есть то самое *Целое*, которое суть сознание. Рискнем предположить, что очевидно также и обратное – сознание как целое, образующее связь между деятельностями – это и есть упомянутый *душевный организм*.

Здесь мы видим, что *ноэтическое* исследование обращается к целому, которое не может быть *схвачено* эмпирически. Это не прояснение деталей исследования, частных понятий, условий проведения эксперимента и т.п. Но это, прежде всего прояснение того, что составляет сам постулат. И такого рода *ноэтика* уже имела место в истории психологии. Например, понятие деятельности было прояснено как целое для ее составляющих. При этом сознание мыслилось и как определенное составляющее деятельности, и как ее внешнее условие, и как некое единое с ней. Считалось, что как связь между деятельностями оно в свое время будет де-

тально проанализировано. Но при этом недостаточно учитывалась специфика сознания как целого в ключе его качественного своеобразия. Теперь мы видим, что эта специфика суть его душевная (или, может быть, духовная) особенность.

Коль скоро в этой связи мы начали с культурно-исторической концепции Л.С.Выготского, вернемся опять к ее положениям. По словам В.П.Зинченко, Выготский называет «объективные аффективно-смысловые образования, существующие до и вне развивающегося индивида, идеальной формой, которая усваивается и субъективируется в процессе индивидуального развития...»⁸. Это означает, что то целое, которое образует взаимосвязь деятельностей субъекта, носит идеальный характер, и следовательно – как нам представляется – духовный, т.е. в основе культуры лежит духовное, *духовная энергия*. Ведь еще «А.Ф.Лосев указывал на существование наряду с материальной..., эйдетической причины деятельности (аристотелевской энтелихи). Он рассматривал эйдетическую причину, то есть эйдос, образ как уже определенным образом организованную энергию»⁹. С этой точки зрения *вторым* принципом прояснения природы сознания является обращение не только к *целому*, каково есть сознание, но и к идеальному, которое служит его *духовной природой*. В то же время иным взглядом «разрешается проблема психики без затраты энергии. Сознание всецело и без всякого остатка сводится на передаточные механизмы..., работающие по общим законам, т.е. можно допустить, что никаких других процессов, кроме реакций, в организме нет»¹⁰. К тому же и «Гуссерль..., чтобы сохранить чистоту своей науки,... говорит об эйдетической психологии»¹¹.

Обе эти особенности интересующего нас предмета никак не могут относиться к тому, что изучаемо только и строго эмпирически. Поэтому мы не станем говорить, что ноэтическая психология исследует восприятие, внимание или мышление. Напротив, она обращается к сознанию, духовности и жизни. Причем здесь не может быть какого-либо однократного результата, который возможен в случае экспери-

⁶ Хант Г. О природе сознания. – М.: 2004. – С. 67.

⁷ Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. – Т.4 – С.157.

⁸ Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. – М.: 1997. – С. 20.

⁹ Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили.... – С. 277; Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. – М.: 1975. – С. 707.

¹⁰ Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. – Т.1.... – С. 90.

¹¹ Там же. – С. 424.

ментального прояснения неких деталей какого-либо процесса. Истина как истина *poesis* многократна, множественна и многосторонна. Это означает, что ноэтическая психология не исчерпывает свой предмет, проводя свое 1-е, 2-е или *n*-е исследование.

Однако, вернемся к духовной энергии. Если духовная энергия суть энергия культуры, то понятно, почему «объективация аффективно-смысловых образований в «теле» идеальной формы - это ... новый ход по сравнению с классической психологией, для которой объективность эквивалентна материальности»¹². Поскольку как материальное может стать целым для не таких уж и материальных человеческих деятельностей (?). «Едва ли следует специально аргументировать, – продолжает в этой связи Зинченко, – что эта проблема не имеет... решения «классическими» средствами»¹³.

Мы совершенно согласны с Зинченко, что здесь – вслед за Выготским – необходимо обратиться к искусству. Вот на какую цитату из В.В.Кандинского, современника Выготского, Зинченко предлагает обратить внимание:

«Истинное произведение искусства возникает таинственным, загадочным, мистическим образом «из художника». Отделившись от него, оно получает самостоятельную жизнь, становится личностью, самостоятельным, духовно дышащим субъектом... Оно становится *существом*... Оно не есть безразлично и случайно возникшее явление, пребывающее безразлично в духовной жизни: оно как каждое существо обладает дальнейшими созидательными активными силами. Оно живет, действует и участвует в созидании духовной атмосферы»¹⁴.

И здесь Зинченко замечает, что для всего этого произведение искусства должно обладать духовной энергией, но эта энергия, как мы видим из приведенного отрывка, *непостижима*¹⁵. Она просто есть. Она существует, присутствует. Но её нельзя схватить, разделить на какие-то единицы и затем вновь синтезировать. Как сказано в древнем индийском труде: Её «нельзя рассечь на куски никаким видом оружия, сжечь огнём, смочить водой, иссушить ветром»¹⁶.

Здесь вновь мы возвращаемся к принципам «ноэтики», среди которых естественно теперь выделить обращение к *непостижимому*, которому весьма соответствуют сознание и жизнь. Они есть и *целое* для различных видов деятельности, они также представляют собой *идеальную духовную форму* культуры, обладающую энергией, и они *непостижимы* извне. Хотя общеизвестно, что они есть, обладают бытием.

Продолжая эту мысль, Зинченко ссылается на Б.Пастернака, который называл реальность искусства «куском дымящейся совести» и «живым существом»¹⁷. Если мы вспомним положения древней индийской философии, то там так же любая внешне объективированная реальность рассматривается как форма деятельности живого существа.

То же и у П.А.Флоренского, когда он говорит: «Глаз... есть изнутри нечто иное, как *влечение к свету*; но это самое влечение, в другом порядке,... внешнем, как и самый орган, создает камеру-обскуру, телескоп и микроскоп... И, следовательно, камера-обскура может рассматриваться как символ того внутреннего движения жизни, которое мы имеем при себе, в непрестанном органическом усилии осуществления, как глаз»¹⁸. Зинченко в этой связи говорит, что вообще это касается любых орудий труда, т.к. они «созданы по образу и подобию человека, как его телесного, так и духовного организма»¹⁹. Поэтому, чтобы понять и принять это, нужно иначе «посмотреть на то, что есть живое, жизнь и отказаться от столь же «бесспорного»²⁰, сколь и бессмысленного определения жизни как «способа существования белковых тел» (Там же). Зинченко развивает эту мысль ссылкой на А.А.Ухтомского, согласно которому «жизнь – асимметрия с постоянным колебанием на острие меча, удерживающаяся более или менее в равновесии лишь при устремлении, при постоянном движении»²¹. Дело в том, что живое существо поставлено перед дилеммой жизни и смерти неким химическим агентом. Но «можно заменить, – замечает Зинченко, – «химический агент на ... знания, опыт,

¹² Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. – Т.1... – С. 21.

¹³ Там же. – С.21.

¹⁴ Кандинский В.В. О духовном в искусстве. – М., 1992. – С.99.

¹⁵ Goswami A. An Experience of Idealistic Physics. – New York: Basic Books, 1994.

¹⁶ Бхактиведанта Свами А.И. Бхагават-Гита Как Она есть – М.: Bhaktivedanta Book Trust, 1991, 2.23.

¹⁷ Ухтомский А.А. Собрание сочинений. – Л.: 1960. – С.93.

¹⁸ Флоренский П.А. У водоразделов мысли. 4.2. – Символ. – Т.28. – Париж: 1992. – С. 171.

¹⁹ Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили... – С. 23.

²⁰ Кавычки наши – Р.Д., Н.Ш.

²¹ Ухтомский А.А. Избранные труды. – Л.: 1978. – С.235.

а живое вещество – на живое существо»²². Эта идея Ухтомского затем находит свое отражение в мысли о том, что «с самого начала формирующийся образ предмета есть некоторый проект реальности и именно *эвристический проект реальности*»²³. И это последнее в объяснении Выготского приобретает тот смысл, что «именно включение символических операций делает возможным возникновение совершенно нового по составу психологического поля, не опирающегося на наличное в настоящем, но набрасывающее эскиз будущего и таким образом создающего свободное действие, независимое от непосредственной ситуации»²⁴. Л.С.Выготский напоминает, что еще Гегель «различал вещи в себе и вещи для себя. Он говорил, что все вещи суть сначала в себе, но на этом дело не останавливается и в процессе развития вещь превращается в вещь для себя»²⁵.

Иначе говоря, живое как устремление, как символически обусловленное свободное действие оказывается внутренним и не зависящим от внешней ситуации. Это очень важный ноэтический вывод, и он, по сути, служит *принципом* ноэтической психологии, поскольку любое прояснение в сфере сознания и жизни должно начинаться с действительного живого, а вовсе не того, что лишь обладает внешней формой. По мнению А.Ф.Лосева, «имя есть имя ЖИВОЙ вещи. Имя само всегда живо»²⁶. В сходном смысле Л.С.Выготский ссылается на А.Буземана, который «с полным основанием говорит, что (например, – Р.Д., Н.Ш.) корни рефлексии надо искать очень глубоко в животном мире»²⁷.

Итак, мы имеем дело с четырьмя принципами ноэтического исследования: 1) целое; 2) духовное; 3) непостижимое; 4) живое. Именно по линиям этих четырех принципов, как по четырем основаниям мы и будем в дальнейшем развивать наше ноэтическое исследование. Поскольку эти принципы отражают целостную реальность, многие вопросы в их ключе, в том числе вопросы сознания и жизни, будут пересе-

каться. Но в действительном жизненном контексте этого вряд ли возможно избежать. Хотя, как нам представляется, мы будем делать такую попытку. Этим принципам в равной мере отвечают такие реальности как сознание и жизнь.

В самом деле, сознание всегда есть *целое*. Именно поэтому мы во всех психических процессах и во всех внешних действиях встречаем признаки сознания; но к сожалению и до сей поры проблема сознания не поставлена должным образом. Поэтому сознание как целое требует ноэтического исследования, т.е. прояснения своего происхождения, природы, функции и формы. Мы хотим подчеркнуть, что в нашей работе это еще не будет окончательным прояснением, но лишь первым шагом на пути к нему.

С другой стороны, сознание всегда *духовно*. Это означает, что оно обладает собственной энергией, невыводимой из характеристик внешней деятельности. Это связано с идеальным характером культуры, которая по своей природе духовна. Иначе говоря, человек изначально живет в духовной атмосфере, с которой он качественно един и которую он усваивает в ходе реализации своих естественных устремлений. Критики Л.С.Выготского возражали ему, пытаясь «вернуть» сознание в лоно материальной деятельности. Но вряд ли кому бы то ни было удалось избавиться от достаточно очевидного понимания опосредствующей роли культуры. И в этом заключается еще одна проясняющая функция *ноэтики*.

В.П.Зинченко напоминает нам, «что П.И.Зинченко – ученик А.Н.Леонтьева – был одним из активных участников «леонтьевского *деятельностного* похода» на ... культурно-историческую психологию»²⁸. Говоря «об ошибочности культурно-исторической психологии в целом»²⁹, П.И.Зинченко полагает, что «марксистское понимание исторической, социальной обусловленности развития человеческой психики было извращено и понято идеалистически. Общественно-историческая обусловленность психики человека была сведена к воздействию на субъекта человеческой культуры. Развитие психики, таким образом, рассматривалось не как определяемое развитием реальных отношений субъекта к действительности, а как ограни-

²² Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили.... – 24.

²³ Ухтомский А.А. Собрание сочинений. – Л.: 1960. – С.274.

²⁴ Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили.... –С.50.

²⁵ Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. – Т.4 – С. С.199.

²⁶ Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. – М.: 1993. – С.820 – 821.

²⁷ Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. – Т.4 – С.С.231.

²⁸ Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили.... – С. 31.

²⁹ Там же.

ченное общением сознания субъекта с культурной идеальной действительностью»³⁰.

Даже если не говорить о том, что эта критика «огульна и несправедлива»³¹, легко заметить глубочайшую *неясность* того, что можно понимать под *идеализмом* именно психологически. Обратимся к весьма изящному определению Гарри Ханта: «Идеализм ставит во главу угла критерии первого лица. Материализм возвышает до статуса объяснения поведенческие критерии третьего лица»³². Итак, субъект в первом случае для нас есть «Я», тогда как во втором - «Он». Интересно при этом, в какой же из них сфере находится в большей степени *зона ближайшего развития!* В этой связи весьма интересна «мысль Л.С.Выготского о *непосредственном* взаимодействии ребенка с высшей, идеальной формой». Ведь «идеальная форма – источник... развития ребенка»³³.

С третьей стороны, сознание *непостижимо*. Действительно, мы не можем «схватить» сознание. Например, в двойственном рисунке, представленном в исследованиях Э.Рубина³⁴, где появляется то профиль молодой женщины, то лицо пожилой дамы, граница изображений очевидна в их содержании. Но как сознание переводит нас от одного содержания к другому - это загадка. И подобных загадок, включая и известный феномен -загадку А.Мишотта³⁵, в психологии вполне достаточно. Все они нуждаются в проясняющем исследовании со стороны *нэтической психологии*.

С четвертой стороны, сознание по своей природе суть живое. И здесь совершенно прав В.П.Зинченко, когда ссылаясь на А.А.Ухтомского, продолжает его мысль о том, что необходимо заменить «вещество» на «живое существо». Т.е. сознание – это не то, что лишь отражает свойства живого, но это скорее то, что само для себя есть живое. Поэтому сознание – это живое, внутреннее бытие. Сознание как внутреннее бытие можно сопоставить с тем, что Зинченко обозначает как «ощущение изнут-

ри»³⁶. «Но что означает «ощущение изнутри»? Ответ на этот вопрос дан в исследовании М.И.Лисиной, выполненном по замыслу и под руководством А.В.Запорожца. Замысел состоял в том, чтобы показать, что ощущаемость афферентных импульсов от собственных реакций играет важную роль в превращении последних из *непроизвольных* в *произвольные*»³⁷.

Иначе говоря, конечным итогом оказывается сознание как естественное, внутреннее, живое состояние индивида, к которому можно прийти, преодолев *непроизвольность* и *автоматизм*. В древней индийской философии эти последние качества именуется модусами, что также известно и в европейской философии и психологии, например, у Л.Бинсвангера³⁸. В этом также проявляется еще одна составляющая нэтического исследования.

С другой стороны, жизнь тоже является *целым*. Действительно, жизнь есть везде, все зависит от жизни, и жизнь пронизывает все; но едва ли вполне успешно исследовать жизнь путем расчленения. И в этой связи, например, понятие *жизненного пути* указывает лишь на внешнюю сторону жизни, тогда как очень большой пласт ее представляет собой *внутреннюю жизнь*, которая, как мы полагаем, и составляет целое для многообразных феноменов жизни.

В то же время, жизнь по своей природе всегда *духовна*. Это означает, что она обладает особой энергией, отличной от «белкового существования». Например, стремление, намерение, желание человека *энергийны*, если говорить словами В.П.Зинченко. Разумеется, попытки увидеть за феноменами внутренней жизни некую *химическую* основу всегда были, и, вероятно, будут. Другое дело, что очень трудно, если вообще возможно, обозначить переход от нейронной или мышечной активности человека к внутренней жизни предметного образа или эмоции. За всем этим все-таки стоит *замысел* субъекта, его мотивационные и целе-смысловые образования. И только благодаря последним нейронная активность приобретает свою силу и действенность. Во-первых, следуя мысли Л.С.Выготского, можно об этом сказать, что «жизнь присуща ребенку уже в период эмбрио-

³⁰ Зинченко П.И. Проблема произвольного запоминания // Научные записки Харьковского пед.ин-та иностранных языков. – Т.1. 1939. – С.153.

³¹ Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили.... –С.32.

³² Хант Г. О природе сознания. – М.: 2004. – С.56.

³³ Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. – Т.4 – С. 356.

³⁴ Ждан А.Н. История психологии. – М.: 2002.

³⁵ Марцинковская Т.Д. История психологии. – М.: 2003.

³⁶ Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили.... – С. 36.

³⁷ Там же. – С.80

³⁸ Binswanger L. Heidegger's Analytic Existence and Its Meaning for Psychiatry.: Being – in World: Selected Papers of Ludwig Binswanger. – New York, 1963.

нального развития»³⁹, т.е. «новорожденный обладает начатками психической жизни»⁴⁰. А во-вторых, ссылаясь на Бергсона, Л.С.Выготский говорит, что «мозг просто орудие позволяющее проявиться... чисто духовной деятельности»⁴¹. Поэтому жизнь как целое и жизнь как духовное в равной мере интересны и близки ноэтическому исследованию, чья цель состоит в прояснении рассматриваемых взаимосвязей.

С третьей стороны, жизнь, разумеется, *непостижима*. Так же, как и сознание, ее нельзя «схватить», разделить на какие бы то ни было единицы и затем снова соединить в некое жизненное целое. Тем не менее, жизнь всегда «изнутри ощущаема». Однако, эта *ощущаемость* непостижима рационально. Это означает, что мы не можем описать жизнь в некоей системе *объектных* значений. С этой точки зрения жизнь всегда субъектна, хотя попытки объективировать ее всегда существовали и составили своеобразный пантеон исторического наследия современной науки. В этом состоит определенная сложность ноэтического исследования.

И с четвертой стороны, жизнь, как это ни удивительно, может быть, звучит, начинается с живого. Здесь совершенно прав В.П.Зинченко, когда говорит, что нет некоего законченного смысла в трактовке жизни как «существования белковых тел». Поскольку белковые тела должны прежде иметь стремление, намерение, цель и план. Т.е. то, что собственно и является живым. «Разумная жизненная сила, замечает Л.С.Выготский, ссылаясь на Дрина, – представляет не поздний продукт длительного развития, но является чем-то изначально заложенным в живой материи»⁴².

Поэтому в вопросе о происхождении жизни мы сталкиваемся с тавтологией, ибо жизнь, какая бы она ни была и где бы не встречалась, всегда, с этой точки зрения, происходит из жизни – опять же. Применяя этот принцип *живого*, ноэтическое исследование проясняет функцию, форму и в то же время природу и сущностные характеристики внутренней жизни.

Разумеется, возникает вопрос, какова история ноэтической науки в целом, и ноэтической психологии, в частности. Если мы возьмем как основу своего рассуждения историю филосо-

фии, то в первую очередь следует, конечно, остановиться на идеях Эдмунда Гуссерля⁴³.

Поскольку «все науки, – по словам Гуссерля, – нуждаются в обосновании в отношении их фонда понятий и высказываний»⁴⁴, а «достижения науки не обогатили нас в плане сокровищ интеллектуального проникновения»⁴⁵, то «интуиционизм, стало быть, с полным правом выступает против разоружения человечества перед лицом экспансии науки как техники мышления»⁴⁶. «Дело заключается в том, чтобы положить конец бедственному состоянию разума, ... который видит присущую ему цель, а именно, ... проникновение в истину, все более удаляющейся от него»⁴⁷.

Эта благородная цель, поставленная Гуссерлем, требует учесть то важное обстоятельство, «что прояснение онтологии должно предшествовать прояснению эмпирических наук»⁴⁸ Для этого необходимо то приближение к сути, «при котором пустующие места в интеллектуальном видении ... заполняются»⁴⁹, т.е. наши созерцания предмета должны «привести предмет..., изображаемый в них односторонне, не полностью, неопределенно, к прогрессирующей «самоданности» (Там же), «скажем, не полностью «живая» фантазия»⁵⁰. То есть прежде, чем исследовать эмпирически «неполностью «живую» фантазию», надо прояснить ее для себя внутренне. И это прояснение – это не просто мое благое пожелание или моя индивидуальная техника научной работы, но в полном смысле *ноэзис* как «интенциональный акт ... направленности»⁵¹, а вытекающее из него «ноэтическое совершенствование наук – совершенствование их видения, их осмысливающей деятельности» (Там же). А *поэма* при этом – это уже «предметное содержание интенционального ак-

³⁹ Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. – Т.4 – С.274.

⁴⁰ Там же. – С. 275.

⁴¹ Там же. – С.151

⁴² Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. – Т.2. – – С.401.

⁴³ Гуссерль Э. Об интенциональных состояниях и их «содержаниях» // В кн.: Проблемы современной западной онтологии. – Рига: 1989; *Он же*. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – Вопросы философии. – 1992. – № 7. – С.138 – 139; *Он же*. Феноменология // Логос. – 1992. – №2; *Он же*. Метод прояснения // В кн.: Современная философия науки. – М.: 1996. – С.365 – 374.

⁴⁴ Гуссерль Э. Метод прояснения // В кн.: Современная философия науки. – М.: 1996. – С.366.

⁴⁵ Там же. – С.367.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. – Т.4 – С.385; – С.369.

⁴⁹ Там же. – С.373.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. – С.373.

та»⁵², т.е. то, как именно мы проясняем искомым предмет.

Последователем этих идей Гуссерля стал американский физик Амит Госвами, индеец по происхождению, профессор физического факультета университета штата Орегон. Основываясь на представлениях, которые развивал в физике Дэвид Бом⁵³, Амит Госвами пришел к тому прояснению, что проблема сознания является одной из центральных в физике⁵⁴. Как удалось Амиту Госвами достичь данного интеллектуального проникновения в предмет? Его *noesis* состоял в том, что необходимо найти совершенно новое объяснение феномену поведения частиц, разгоняемых в ускорителе. Согласно Бому, «организационные принципы современной физики – относительность пространства / времени, дополнительность, индетерминизм и нелинейная динамика – отражают все большее приближение наших математических построений к фундаментальной организации самого восприятия»⁵⁵. Поэтому Госвами пытается перейти от гипотезы Бома к объяснению, которое фактически является постулатом: существует ведущая роль сознания в организации различных уровней физической реальности. Результаты своей работы он представил в фундаментальном труде *The Experience of Idealistic Physics*.

Собственно ноэтическое исследование состояло здесь в том, что постулируемая многомерность физического процесса оказалась недостаточно совместной с конкретными результатами экспериментальной физики. *Noesis* Госвами состоит в постулировании (а вовсе не в эмпирической проверке гипотезы Бома) опосредствования физического принципа многомерности тем целым конкретного физического многообразия, которое может и должно представлять собой сознание. Безусловно такой ноэтический ход противоречит идеям классического рационализма. Но в этом, с другой стороны, заключается ноэтическое совершенствование науки. Автор лично знаком с профессором Амитом Госвами и ценит его пожелания в плане развития ноэтических идей в России.

Но этим дело не исчерпывается. История прояснения в действительности простирается в гораздо более ранние времена. По словам индийского философа Шрилы Сухотры Свами,

«греческая философия, которая лежит в основе европейской философской традиции, возникла как интеллектуальная реакция на ограниченность эллинских религиозных писаний»⁵⁶. В чем же состоял *noesis* досократической философии?

«Греческие мыслители, – считает Сухотра Свами, – начали сомневаться в «Теогонии», одном из главных религиозных текстов того времени»⁵⁷, написанном Господом в VIII в. до н.э. «Там говорится, – продолжает Сухотра Свами, – что мир и боги возникли из хаоса, т.е. бездны.

Хаос был и логической бездной, пустотой, куда не может проникнуть разум... Нет ничего удивительного в том, что некоторые мыслители восприняли проблему хаоса как вызов. Они аргументировано предложили заполнить бездну каузальными «началами (водой, огнем, воздухом и т.д.)» (Там же). Иначе говоря, их *noesis* стало усовершенствование абстрактной идеи хаоса, далекой от эмпирического бытия человека. Поэтому эти начала стали тем целым, которое опосредствовало конкретные человеческие деятельности.

Заметим, кстати, что среди предтеч *ноэтической* науки едва ли не самой близкой к предметной области этой сферы мышления стала философия Сократа. По словам В.Ф.Асмуса «Сократ дал образцы определения и обобщения этических понятий (например, доблести, справедливости). Определению понятия предшествует беседа, в ходе которой собеседник рядом последовательных вопросов изобличается в противоречиях. Раскрытием противоречий устраняется мнимое знание, а беспокойство в которое при этом ввергается ум, побуждает мысль к понятиям подлинной истины. Свои приемы исследования Сократ сравнивал с искусством «повивальной бабки»; его метод вопросов, предполагающих критическое отношение к догматическим утверждениям, получил название «сократовской иронии»⁵⁸. Этот «ноэтизм» сократовской беседы высоко оценил В.П.Зинченко, говоря, что «сократический метод и в самом деле давал (и дает) неплохие результаты. Вероятно, это связано с тем, что он был ориентирован на целостную человеческую душу со всеми ее атрибутами»⁵⁹. Л.С.Выготский в

⁵² Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. – Т.4 ...

⁵³ Бом Д. Квантовая теория. – М.: 1967.

⁵⁴ Binswanger L. Heidegger's Analytic Existence and Its Meaning for Psychiatry.: Being – in World: Selected Papers of Ludwig Binswanger. – New York: 1963.

⁵⁵ Хант Г. О природе сознания. – М.: 2004. – С.378.

⁵⁶ Сухотра Свами. Тень и реальность.... – С.117.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Большой энциклопедический словарь / Под общ.ред. С.Ю.Солодовникова. – Минск: 2002. – С.552.

⁵⁹ Зинченко В.П. Аффект и интеллект в образовании. – М.: 1995. – С.11.

этом последнем смысле ссылаются на А.И.Введенского, который «разъяснив значение эмпирического характера психологии, говорит: «Поэтому современная психология нередко характеризует себя ... как естественную науку о душевных явлениях или как естественную историю душевных явлений»⁶⁰.

«Нозтика» Сократа обращает наше внимание на то высказывание Сухотры Свами, что «постепенно некоторые философы, возможно испытывавшие на себе влияние идей, распространенных в Индии, отвернулись от физических теорий причинности, чтобы рассуждать о Бытии чистого разума, лежащем в основе всего сущего. Платон, величайший из этих философов, понимал Бытие... как аспект *auto to agathon* – «Само благо». Благо можно обнаружить на высшем уровне абстракции, в мире идей, независимом от человеческих мыслей, где интеллект философа может наслаждаться всей полнотой истины, красоты, формы, души и других идеалов. Наш мир является лишь тенью мира идей»⁶¹.

Здесь, как мы полагаем, уместно сделать то *нозтическое* замечание, что предельно абстрактные идеи возникали не только как альтернатива *хаосу*. По словам В.К.Шабельникова, «Демокрит объяснял содержание психических образов движением чувственных эйдолов – особых тончайших физических пленок, отрывающихся от вещей и в сжатом виде проникающих в психику через воронку исходящих из нее атомов – лучей.

Но в философии ярого противника Демокрита Платона... – остро была поставлена проблема существования в психике идей, не сводимых ни к каким чувственным образам. Такие абстрактные понятия, как, например, понятие «числа» или «государства» не могут быть получены из чувственных образов и их колебаний и представляют, согласно Платону, чисто идеальные образования»⁶².

Иными словами, Платон прояснил демокритовское понимание природы психического, найдя *новое целое* в виде «идеальных образований». Коль скоро это целое, рассматриваемые понятия действительно не могут быть получены из психических образов как их частей. Однако,

вопрос заключается в том, как такая *невозможность* сопряжена с реальностью.

Дело в том, – продолжает Шабельников, что «согласно Платону, «идеи» существуют в своем собственном мире в виде реальных независимых от материи вечных субстанций. Влияя на материальный мир, они придают постоянно изменяющимся вещам определенную форму, соответствующую той или иной «идее». Мир «идей» детерминирует логику и содержание нашего мышления. Проникая в индивидуальное сознание, «идеи» подчиняют его законам своей организации...»⁶³. Чтобы не оставить (здесь – Р.Д.) сомнения, что это за психология, ... он (Челпанов – Р.Д., Н.Ш.), – говорит Л.С.Выготский, – приводит ее в связь с феноменологией Гуссерля, его учением об идеальных сущностях, и поясняет, что эйдос или сущность Гуссерля – это идея Платона с некоторыми поправками»⁶⁴.

Перефразировав А.С.Пушкина, зададимся вопросом, каково же открывается нам продолжение?

«Идеи» Платона, – пишет Э.В.Ильенков, – это не просто любые состояния человеческой «души»..., это непременно универсальные, общезначимые образы-схемы, явно противостоящие отдельной «душе» и управляемому ею человеческому телу как обязательный для каждой «души» закон, с требованиями коего каждый индивид с детства вынужден считаться куда более осмотрительно, нежели с требованиями своего собственного единичного тела, с его мимолетными и случайными состояниями»⁶⁵.

Этот замечательный *noesis* Ильенкова добавляет к целому, проясненному Шабельниковым духовную составляющую сознания, представленную нашему взору Платоном. Но дело этим не заканчивается. «Сегодня проблема не телесной природы психических образований, заставившая Платона построить в воображении мир идеальных сущностей, – продолжает Шабельников, – получила свое разрешение в представлениях о социально-культурной детерминации психики. Мир «идей» в объяснительной системе Платона выполнял по отношению к индивидуальной психике человека роль, подобную той, которую в современных представлениях выполняет общественное сознание или культура как социально организованная система регуляции человеческого поведения»⁶⁶.

⁶⁰ Введенский Л.И. Психология без всякой метафизике. – П.Г.: 1917. – С.3. (Цит.по: Л.С.Выготскому).

⁶¹ Сухотра Свами. Тень и реальность. – М.: 1998. – С.118.

⁶² Шабельников В.К. Функциональная психология. – М.: 2004. – С.23.

⁶³ Там же. – С.24.

⁶⁴ Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6. – Т.1 – С.385.

⁶⁵ Сухотра Свами. Тень и реальность.... – С.130.

Так мы возвращаемся к представлениям В.П.Зинченко и Л.С.Выготского, но уже в несколько более детализированном аспекте прояснения, хотя все так же связанном с природой сознания как объективного целого человеческой деятельности.

Действительно, ведь «культура не выступает перед нашим восприятием в виде какой-то особой формы материи, осязаемой определенным видом ощущения, но, тем не менее, имеет вполне определенное строение, содержание и четкую системную организацию, увидеть которую нам удастся только с помощью мышления и воображения»⁶⁷, – добавляет Шабельников.

Но здесь, конечно, необходимо сделать то прояснение, что воображение и мышление никак не устраняют идеального характера культу-

ры. Иначе говоря, то, что культура *непостижима* как «некая вещь», еще не говорит о том, что она не может быть дана нам в нашем восприятии. Нет ничего удивительного в том, что ее не только можно помыслить или вообразить, но и реально воспринять. Таков *poesis*. И здесь никуда не деться. Если культура обладает качеством живого, то так или иначе, рано или поздно, мы должны её увидеть. Конечно, может быть, эта культура в каком-то другом своем качестве, значении. Но тогда она не есть искомое целое. Таков вывод, к которому нам, так или иначе, пришлось придти.

⁶⁶Шабельников В.К. Функциональная психология... – С.25.

⁶⁷Там же.

AN INTRODUCTION TO THE NOETIC PSYCHOLOGY OF CONSCIOUSNESS

©2012 R.I.Derevyanko, N.B.Shkoporov^o

Togliatti State University

The article is aimed at clarification of V.S.Vygotsky's and D.P.Zinchenko's statements «What is the consciousness and what is life?» and at drawing a certain conclusion on the basis of the analysis.

Keywords: noetics, consciousness, unity, life, spiritual.

^o Raisa Ivanovna Derevjanko, PhD in psychological sciences, the senior lecturer of faculty of theoretical and applied psychology. E-mail – grigoreva.sofya@mail.ru
Nikolay Borisovich Shkoporov, PhD in psychological sciences, the senior lecturer of faculty of theoretical and applied psychology. E-mail – grigoreva.sofya@mail.ru